

2907

9 февраля 1981 г., № 33.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ МИЛЛИОНА...»

К 100-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского

У меня в руках книжка — «Зимние заметки о летних впечатлениях Ф. М. Достоевского. Издание и собственность Ф. Стелловского, поставщика Его Императорского Величества. С.-Петербург, 1866.».

Помню, когда я покупал эту книжку в букинистическом отделе магазина в Новокузнецке, меня привлекло странное указание на ее титульном листе — «собственность Стелловского! Я перелистывал страницы и как будто вместе с писателем ездил по городам Германии, Италии, Франции. Заезжал в Лондон, чтобы повидаться с Герценом...

Чуждый мир, и мыслитель, стоящий на перекрестках человеческих судеб. Лицом к лицу. Извечное противоречие: богатство — бедность! Горькие раздумья о свободе. С иронией, с усмешкой. Ну, может ли быть она родной сестрой для всех? Хотя бы для тех, у кого в кармане «бренчат гроши»?

«Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно.»

Так мог сказать лишь тот, кто острым взглядом следит за обитателями лондонских трущоб, за вереницами оборвышей, спящих по набереж-

ным итальянских городов. Их жизнь печалила его ум, ранила сердце. Нет, это был не Анченков, не Тургенев, не Василий Боткин, сгоняющие русскую хандру за рубежом, а «литературный пролетарий» — Федор Достоевский, богатый лишь всеми видами бедности и наделенный лишь одним — великим талантом да великим трудолюбием.

Даже книжка, которая оказалась у меня в руках, и та — о «человеке без миллиона» — о самом авторе. За самодовольными литератами «издание и собственность Ф. Стелловского» скрывалась история, случившаяся с Достоевским. История удивительная по мерзости, и еще более удивительная по хищничеству, на этот раз совсем уж русского склада!

...Все, что можно, заложено в ломбард, отнесено ростовщикам: пальто, посуда, даже столовые ложки. А кредиторы присосались, как пиявки. И тогда отчаявшийся вылезти из трясины долгов Достоевский разыскал купца Стелловского: не купит ли он у него право на издание всех произведений, хотя за небольшую сумму? Тот смекнул: писатель популярный, издай книги — расхватают. Сообразив, все же поставил условие: пусть Достоевский напишет еще новый роман в придачу

Куда денешься? Составили тут же контракт, упомянув, что если к 1 ноября 1866 года не будет нового романа, то он, Стелловский, в течение девяти лет имеет право издавать все, что выйдет из-под пера писателя, не платя ему ни копейки!

Федор Михайлович сообщил одной из своих знакомых:

«...эта статья контракта совершенно походила на те статьи петербургских контрактов при найме квартир, где хозяин дома всегда требует, что если у жильца в его доме произойдет пожар, то должен этот жилец вознаградить все пожарные убытки и, если надо, выстроить дом заново. Все такие контракты подписывают, хотя и смеются, так и я подписал.»

Прошел месяц, другой. Достоевский к издателю: дайте отсрочку. Но хитрый делец заявляет ему прямо: нет, мол, ты у меня теперь в руках: попроси, напиши за столь короткий срок новый роман!

Друзья писателя — Аполлон Майков, Милоков, Долгомостьев, узнав, в какую беду он попал, предложили писать за него отдельные части, по его же плану. Но Достоевский и слышать не хотел, чтоб подписаться под чужим произведением. Тогда решили пригласить стенографистку. Пришла девушка (Анна Григорьевна Сниткина, ставшая потом его женой), и он начал диктовать новый роман.

Неутомимый труженик, Достоевский работал и днем, и ночью. Зато 29-го октября большой роман «Игрок» был закончен. Написан ровно за двадцать семь дней!

Но Стелловский словно нюхом чуял «беду». Когда Федор Михайлович явился к нему, слуга объявил, что барин, де, уехал в провинцию и неизвестно, когда вернется. Писатель кинулся в контору, но и там отказались взять у него рукопись. И тогда по совету друзей Федор Михайлович сдал ее под расписку полицейскому приставу той части, где проживал издатель!

Стелловский снова схитрил. Заплатив деньги Достоевскому, он тут же скупил за бесценок его векселя и через подставных лиц стал взыскивать с него деньги. Клецком впился и в его книги, выпуская их одну за другой несколькими изданиями, а потом все вместе в полном собрании сочинений, и неизменно выставлял, как охранную грамоту, на титульном листе, чуть ниже фамилии знаменитого автора: «Издание и собственность Ф. Стелловского.»

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
филологиче-

ских наук.